

Сын Чжоу Чжаотана пребывал в глубоком оцепенении — то ли разум помутился от ужаса, то ли он просто не мог смириться с внезапной кончиной отца.

— Батюшка... он ведь жизни не смыслил без выпивки, — пробормотал он, глядя в пустоту. — Фляжка всегда была при нем, куда бы ни шел — прикладывался. И перед тем как на картину взглянуть, наверняка отпил...

Теперь всё вставало на свои места. Догадка Жун Жо подтвердилась: Ли Фугуй и его спутники тоже пили вино, которое пробудило затаившихся на свитке ядовитых насекомых. Чжоу Чжаотан повторил их судьбу. Погибель таилась в самой «Картине летящей небожительницы», но кто-то умело направлял этот клинок.

Стиснув рукоять меча, Цзян Ехун направился к дому Лу. Возле ворот уже бушевала толпа: крестьяне осыпали поместье проклятиями, выкрикивая, что семья Лу прогневала Лунную Богиню и навлекла на деревню кару. Обезумевшие от страха люди требовали заклеить хозяев как преступников и вышвырнуть вон из Деревни Девяти Семей.

— Слушайте меня! — громовым голосом прервал их Цзян Ехун. — Смерть Чжоу Чжаотана — не проклятие божества! Его отравили. Слышите? Это яд «Белое сновидение», прямиком из Мяоцзяна. Человек харкает кровью и умирает в муках. Здесь нет никакой магии, это хладнокровное убийство!

— Ты чужак, что ты можешь знать о наших краях?! — выкрикнули из толпы.

— Всё из-за них! Они оскорбили Лунную Богиню, а нам теперь расплачиваться! Гнать их в шею по законам рода!

Слепое поклонение местных жителей было неискоренимо. Понимая, что убеждения бессильны, Цзян Ехун повернулся к подоспевшим стражникам:

— Мне плевать на ваши суеверия. Но если кто-то посмеет устроить самосуд — пойдет под суд по законам империи. Любого, кто подстрекает к бунту, брать под стражу немедленно!

Вид обнаженной стали охладил пыл крестьян. Толпа нехотя разошлась, ворча и оглядываясь. Оставив караул у ворот, чтобы не допустить новой вспышки гнева, Цзян Ехун вошел в дом.

Янь Юй выглядела изможденной. В её глазах, и прежде печальных, теперь застыла мертвенная пустота.

— Благодарю вас, господин Чу, — тихо произнесла она.

Цзян Ехун невольно покосился на висящий на стене свиток, от которого веяло могильным холодом.

— Зачем Чжоу Чжаотану понадобилось смотреть на картину?

Янь Юй лишь горько покачала головой:

— Не знаю... Он был старейшиной, почтенным человеком в деревне. Я не смела отказать, когда он потребовал показать свиток.

— Госпожа Лу, — Цзян Ехун прищурился, — мне кажется, вы чего-то не договариваете.

Женщина тяжело вздохнула, пряча лицо за платком.

— Человек мертв, и мне не пристало порочить его память... Но раз уж вы настаиваете, господин Чу, — она замялась, — Чжоу Чжаотан пришел вовсе не на живопись любоваться. Он хотел забрать картину себе.

— Как это — забрать? — Цзян Ехун опешил. — Лу Чан купил её на свои деньги, это частная собственность. На каком основании старейшина мог на неё претендовать?

Янь Юй всхлипнула, её плечи задрожали.

— В прошлой нашей беседе я умолчала о многом. В Деревне Девяти Семей есть негласный закон, пережиток древних времен: низшие сословия обязаны служить высшим. Ученые, земледельцы, ремесленники и купцы — такова наша лестница. Лу Чан, будучи торговцем, стоял на низшей ступени. Он был обязан платить подать «верхушке».

Цзян Ехун слушал, едва сдерживая ярость. «Подать»? Эти люди возомнили себя императорской династией в захолустной глуши.

— И в чем же заключалась эта подать?

— Старейшине нельзя было отказывать ни в чем, — голос Янь Юй сорвался на плач. — Картина — лишь малая часть. Он ворвался сюда пьяный, требовал свиток, а потом... требовал, чтобы я «услужила» ему. Угрожал, что если не соглашусь, мне не дадут и шага ступить из деревни. Я всего лишь слабая женщина, что я могла сделать?..

Она разрыдалась в голос. Цзян Ехун почувствовал, как кулаки сжимаются сами собой. Деревенский «царек» годами творил беспредел, присваивая имущество и забирая чужих жен, прикрываясь святостью сословий. Неужели Чжоу Чжаотан годами безнаказанно насиловал женщин в этом поселении? Отвращение к «почтенным старцам» жгло нутро.

***

Пока Цзян Ехун разбирался с иерархией, Жун Жо отправился к сожженному храму предков. Черные, обугленные балки скелетом высились над пепелищем. Юноша провел рукой по обгоревшему столу для подношений. Догадка подтвердилась — пахло сосновым маслом. Накануне праздника в храме всегда жгли бумагу, и достаточно было искры, чтобы пропитанное маслом дерево вспыхнуло как факел. Резкий аромат благовоний обычно скрывал этот запах, но Жун Жо привык различать тончайшие нюансы. Зачем сжигать храм? Чтобы запугать людей? Чтобы кара божья казалась реальнее?

Внезапно в тени развалин мелькнул грязный лоскут одежды. Жун Жо рванулся следом. Это был Гао Ли — безумный калека, которого они встретили в ту дождливую ночь. Несмотря на хромоту, нищий двигался поразительно проворно. Он оступился в яме, и Жун Жо успел схватить его за плечо.

— Стоять! Куда бежишь?

Гао Ли с неожиданной силой оттолкнул его и скрылся в зарослях. Жун Жо не стал преследовать его, потирая ушибленное плечо. От безумца пахло сосновым маслом. Совпадение?

Вернувшись к дому Лу, Жун Жо застал там всех именитых старцев деревни, которых созвал Цзян Ехун. Ловец метал громы и молнии.

— Значит, у вас тут свой закон? Свой суд? — гремел он. — Вся деревня — это сословная кормушка для избранных? Отвечайте!

Старцы испуганно переглядывались, храня угрюмое молчание.

— Молчите? Ну хорошо, — Цзян Ехун с силой грохнул кулаком по столу. — Тогда я прикажу привести каждого жителя и допросить по отдельности. Кто-нибудь да заговорит!

— Господин Чу, господин Чу! — в комнату, опираясь на помощников, вошел Ло Чуньчжи. Староста выглядел скверно. — Всё не так, как вы помыслили. Старики чтят древние идеи, но это лишь предания, никто никогда не посмел бы...

Цзян Ехун расхохотался прямо ему в лицо:

— Предания?! Никто не смел?! Стража! Немедля начать поквартирный обход, тащить сюда всех!

Он был в ярости. За годы службы он повидал немало разбойников, но такая узаконенная тирания под маской благочестия выводила его из себя.

Жун Жо осторожно коснулся его руки:

— Старший брат Чу, уже поздно. Давайте отложим допросы до утра.

Он незаметно подмигнул, давая понять, что не стоит спугивать зверя раньше времени.

Когда они остались одни, Жун Жо пояснил:

— Ты слишком давишь, они могут забиться в угол и натворить глупостей. Чтобы разрушить их веру в Лунную Богиню, нужно сначала показать им, что богини нет, а весь этот обряд — кровавый обман.

— Ты прав, я погорячился, — выдохнул Цзян Ехун. — Подождем Чжао Чэня.

К закату Чжао Чэнь действительно вернулся, весь в пыли, с разбитым коленом — так спешил, что упал по дороге.

— Глава! Разузнал! — перевел он дух. — У Ли Фугуя и впрямь есть сестра, уехала в столицу. У Лу Чана — брат, десять лет назад ему было шестнадцать, укатил в Янчжоу и с тех пор ни слуху ни духу. У Лю Юаня родни нет, зато у его жены имеется младший брат — десять лет назад тоже шестнадцатилетка, сейчас осел в Лянцзине.

Цзян Ехун взглянул на Жун Жо. Тот лишь молча кивнул — всё подтверждалось.

— Вот оно, «преступление против богини», о котором шептались в деревне. Десять лет назад вместо своих родных эти трое подсунули в «небесные посланники» сестер Гао.

— Но у нас нет прямых улик, — заметил Жун Жо. — Кстати, в сожженном храме пахнет сосновым маслом. Семья Гао как раз торговала им. Похоже на месть. Но ведь они все погибли в пожаре?

Чжао Чэнь вытер пот со лба:

— Есть один выживший. Тот самый безумец Гао Ли. Он ведь тоже из тех краев. Я проверил: он был слугой в доме Гао. В ту ночь он перебрал лишнего и заснул в конюшне — это его и спасло. Но дыма наглотался так, что рассудок помутился. Очнулся уже дурачком.

— Если он лишился разума, как же он смог дать такие подробные показания о конюшне и вине? — Жун Жо прищурился. — А он всегда был немым?

— Староста говорил, что он замолчал после пожара.

Цзян Ехун холодно усмехнулся:

— Семья мертва, свидетель безумен... Удобная правда, которую сельчане выдумали сами для себя.

Жун Жо задумчиво перебирал четки:

— А что, если Гао Ли лишь прикидывается сумасшедшим? Что, если он всё помнит и теперь мстит за своих хозяев?

— Версия складная, — возразил Цзян Ехун, — но есть одно «но». Гао Ли хромой калека. Как бы он мог незаметно перемещаться между деревней и столицей? Ли Фугуй и Лу Чан погибли из-за картины, которую тот купил у Мочжу-кэ. Гао Ли мог отравить её еще в деревне, до продажи. Но Лю Юань погиб в Лянцзине гораздо позже, когда мы уже были здесь. Гао Ли не мог разорваться.

— Старший брат Чу, — мягко прервал его Жун Жо, — ты забываешь одну важную деталь. Госпожа Лу забрала «Картину летящей небожительницы» обратно к себе, как только мы покинули Ямэнь. Свиток вернулся в деревню.

<http://bllate.org/book/17428/1658015>